

Государство. Общество. Управление: Сборник статей / Под. ред. С. Никольского
и М. Ходорковского. М.: АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР, 2013. 511 с.

Вышедший недавно в издательстве «Альпина паблишер» сборник под названием «Государство. Общество. Управление» проходит по части «проектного» книгоиздания. То есть, разумеется, практика составления (и издания) сборников научных статей по какой-либо сравнительно узкой проблеме совершенно обычна — однако эта книга под редакцией Михаила Ходорковского и заместителя директора Института философии РАН Сергея Никольского представляет собой, кажется, нечто иное.

«Государство. Общество. Управление» — это пятисотстраничный том, в начале которого помещен специально по этому случаю написанный в жанре манифеста текст Михаила Ходорковского, а в конце — эссе Иммануила Канта «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?», впервые опубликованное в декабрьском номере «Берлинского ежемесячного журнала» за 1784 год. Между Ходорковским и Кантом располагаются три раздела, в общей сложности двадцать статей — не считая трех вступительных текстов составителя, по одному на раздел. Собственно, открывающий и закрывающий книгу тексты дают представление о тематическом диапазоне сборника и — об амбициях Сергея Никольского, который, насколько можно понять, поставил себе целью собрать под одной обложкой тексты, не просто анализирующие нынешнее бедственное положение многострадального отечества, но и создающие своей совокупностью аксиологическое как минимум основание для выработки *новой либеральной программы*. Помимо текста Ходорковского, в начало книги вынесена «Большая история Вацлава Гавела», русский

перевод введения, написанного ветераном «Солидарности» Адамом Михником для книги «Сила бессильных». Читать Михника всегда интересно, но этот текст оказывается к тому же неожиданно актуальным во вполне газетном смысле: Гавел остается для русских интеллектуалов модельной (пусть и значительно мифологизированной) фигурой сопротивления, о чем, в частности, свидетельствует неожиданно частое обращение к его истории в ходе политических дискуссий последнего времени.

Во вступлении к первому, состоящему из шести статей, разделу книги под названием «Философия об общих проблемах государства и общества» Никольский констатирует разрыв между российской, условно говоря, современной политологией и философией: «когда ученые, разрабатывающие вопросы государственного управления, обращаются к философии, они нередко, как и прежде, ограничиваются “выдергиванием цитат”, подходящих тезисов. Но даже если они все же пытаются выйти на философский уровень обсуждения, то делают это таким образом, будто философами не была проделана многогранная исследовательская работа и им приходится начинать “с чистого листа”» (с. 47–48). Эрих Соловьев (ИФ РАН) разбирает здесь трактат Канта «О вечном мире», попутно анализируя представления философа о праве, функциях государства и совершая экскурс в область истории понятий, а точнее понятия *«res publica»*. Светлана Неретина (ИФ РАН, РГГУ) в еще одной любопытной статье того же раздела дает обзор (к сожалению, более поверхностный и краткий, нежели

тема того заслуживает) проблемного поля, связанного с языком, который мы используем для разговора об «обществе, государстве и управлении». Так, в частности, Неретина обращает внимание на то, что наш современный российский термин «государство» означает даже не *«kingdom»*. «Русское “государство” <...> на деле сохранило не только монархический смысл единства, но и смысл цезаризма, то есть диктатуры» (с. 131). Лапидарность Неретиной отчасти восполнена в этом же разделе статьей Александра Огурцова (ИФ РАН, «Вопросы философии») «Власть: от метафор к нейтральному языку описания», в которой автор задается вопросом о том, «может ли политическая мысль вообще избавиться от метафор и тропов при формировании исходных понятий, которые кладутся в основание политических концепций, притязующих на звание политических теорий?». Огурцов кратко описывает историю метафор власти/общества с библейских («пастырь/стадо») времен до Гегеля и Маркса, завершая свое рассуждение выводом о том, что «политическая мысль двигалась и продолжает двигаться в пространстве, образованном метафорами и понятиями, которые принадлежат к разным эпохам или формам деятельности, в том числе применяя экономические понятия к политическим реалиям, а юридические — к управленческим» (с. 103, 122).

Следующий раздел сборника — «Государство как институт и инструмент» — посвящен анализу проблем государственного управления в российском государстве и обществе. Здесь сборник переходит к формально более актуальной проблематике: это видно, в том числе и из списка авторов раздела, в число которых входят, в частности, Евгений Гонтмахер и Владимир Рыжков. Сергей Никольский, написавший для раздела статью «Современная Россия: этап национального государства», рассматривает современную Россию как постимперское образование, в

котором власти «все больше ориентируют развитие государственности в попятном направлении — восстановления квазимонархии или даже империи». Альтернативой — причем неизбежной — является, согласно Никольскому, «национал-демократическое» (гражданское) государство, как решающее задачи «утверждения свободного предпринимателя-гражданина в качестве его основного субъекта, укрепление права как основы жизнедеятельности граждан и повышение уровня культуры». Иными словами, в своем тексте, являющемся для книги одним из ключевых, Никольский артикулирует идеи, которая так или иначе возникают и у других авторов сборника: гражданской нации в России еще только предстоит возникнуть; исторический этап национального государства неизбежен; выбранный нынешним режимом путь ведет в тупик, поскольку «существующую в России неоднородность экономического состояния регионов, разные ступени социального, политического и культурного развития их населения, помноженные на прямо противоположные тренды их сегодняшних цивилизационных ориентаций (от патерналистски-феодалных до самостоятельно-демократических) нельзя “стабилизировать” и “равнять” путем возврата ушедших вперед к отставшим. Можно только создавать условия для “подъема” вторых к первым» (с. 208). Примерно о том же не так давно говорил Эмиль Паин: «Россия беременна нацией, подспудно ее большинство хочет стать нацией, но только не знает какой — этнической или гражданской»¹. Никольский однозначно дает понять, что говорит о гражданской нации, игнорируя вместе с тем обозначенную Паиным проблему.

В остальных статьях раздела где более, где менее подробно обсуждаются различные манифестации природы нынешнего российского государства. Так, Владимир Порус (НИУ ВШЭ) пишет о современной

русской бюрократии, пытаюсь вернуть историческое и социологическое измерения в постоянное (и не слишком продуктивное) обсуждение причин ее неэффективности. Порус довольно пессимистичен — не могу подобрать другого слова, хотя автор специально просит не употреблять его. Причины «уродства нынешней бюрократии» он видит в культурном кризисе, уже переросшем в культурную катастрофу. Последняя, по мнению автора, «всеохватна и никакие сферы жизни не остались незатронутыми». В особенности — «сфера властных отношений». Порус видит основную проблему не в разрушении системы культурных универсалий (каркасов) как таковой. По его мнению, «расчистив руины, все-таки можно было бы поставить новые культурные каркасы, была бы только воля и хватило бы сил». Настоящую беду автор видит в том, что «гаснет идея культуры, утрачивается вера в то, что человек обретает самого себя только в культуре» (с. 243–244). Наталья Зубаревич (НИУ ВШЭ) в статье «Управление развитием пространства Российской Федерации: коридор возможностей» рассматривает проблемы российского государства в пространственном ракурсе. Она видит три основных задачи регионального развития: снижение барьеров для распространения по территории страны любых инноваций; рост мобильности (то есть снова снижение барьеров — финансовых и институциональных — в виде регистрации, неразвитой ипотеки, и т. д.) и, наконец, стимулирование конкуренции городов и территорий при одновременном развитии горизонтального взаимодействия. Решение этих задач, по мнению Зубаревич, возможно только на пути децентрализации и дерегулирования (имеется в виду расширение полномочий властей на местах). Помимо этого, в статье кратко очерчены контуры бюджетной реформы. В частности, Зубаревич утверждает, что существующее распределение федеральных,

региональных и местных налогов является препятствием к увеличению доходной базы. На опасения относительно того, что отказ от унитарной модели приведет к распаду страны, автор отвечает, что напротив, «все более усиливающаяся угроза распада создает неэффективная и тупиковая по своим целям политика “сверхцентрализации”» (с. 357).

Наконец, третий раздел книги сфокусирован на человеке и обществе. Алексей Левинсон (Левада-Центр) в статье «Российское общество: на пути к “среднему классу”?», во-первых, проблематизирует само понятие, утверждая, что в России существует «множество людей, исходящих из того, что средний класс в России есть». «Это множество, — пишет далее Левинсон, — представляет собой если не собственно средний класс, то особую социальную группу, *интерес которой состоит в укоренении представления о наличии среднего класса*» (с. 402) (курсив мой — С. Л.). Автор анализирует динамику того, что принято называть в России средним классом, и находит, что если мы определяем его так, как это происходит на условном Западе — то есть через модус и критерии потребления, то окажется, что в России он в очень значительной степени состоит из государственных служащих. Левинсон дает довольно подробный исторический анализ динамики, которая привела к такому положению дел и утверждает, что в связи со спецификой устройства российской экономики (небольшой высокодоходный сырьевой сектор плюс большой низкооборотный сектор сервиса и государственной службы), российское общество имеет часть признаков постиндустриального, но, по сути, сохраняет внутри себя структуры и ценности предыдущего, индустриального этапа. Ценности российского «среднего класса» совпадают с ценностями большинства. Таким образом, создать массовую партию, которая боролась бы за его политическое представительство, он не то, чтобы не

может, — скорее не хочет, поскольку в общем не имеет специфических политических взглядов или требований. Более того, механизм количественного увеличения этого слоя заключается в том, что государство, по сути, выделяет этот российский средний класс из самого себя, тем самым еще более укрепляясь, поскольку государственные служащие оказываются в этом случае реакционной, если угодно, социальной группой. Субъектом же протестов 2011–2012 годов Левинсон видит, насколько можно понять, интеллигенцию — пусть и трансформировавшуюся, но в ценностном смысле также сохранившуюся и даже обеспечившую себе известный уровень воспроизводства. Интеллигенция, по мысли автора, составила основу «активной части», выделившейся из российского среднего класса после сентября 2011-го. Модель эта выглядит весьма убедительной, в том числе и потому, что позволяет объяснить многие события последних полутора лет.

Вадим Межуев (ИФ РАН) в тексте «О возможности демократической оппозиции в современной России» в известном смысле оппонирует Левинсону, говоря о том, что недовольство в современной России носит массовый характер. Межуев при этом не вводит явного различия между недовольными и теми, кто хочет «перемен в политической системе»; более того, он имплицитно, кажется, отождествляет эти множества — ход вовсе не очевидный. Однако далее Межуев переходит к анализу природы нынешнего кризиса и характеризует его не как политический, а как конституционный. По мнению автора, он может быть преодолен «лишь путем внесения определенных поправок, уточнений и дополнений в Конституцию», которые должны «исключить любую попытку узурпации власти со стороны частных лиц или отдельных партий» (с. 431–432, 437). Собственно, демократической Межуев называет не всякую оппозицию нынешней власти,

а ту, которая видит ядром политической программы переход от режима личной власти к парламентской демократии. Любопытное наблюдение Межуева состоит в том, что формирование демократического (а на самом деле, скорее республиканского) консенсуса затрудняет двойственная природа вызовов, с которыми сталкиваются российские демократы. С одной стороны, это вызов со стороны «реликтов традиционного общества с его абсолютизацией самодержавной власти», а второй — «со стороны общества, признающего в качестве своей высшей ценности рыночную систему отношений». Далее Межуев поясняет, что во втором пункте имеет в виду «неолиберализм». Если наиболее эффективной стратегией противостояния вызовам первого рода является классический либерализм, то против «антидемократических вызовов рынка» он, согласно Межуеву, бессилен, а потребны здесь, напротив, левые. Необходимость реагировать на то и другое синхронно требует, согласно автору, компромисса между либералами и социал-демократами, о котором, правда, как Межуев не без горечи замечает, мечтали еще Плеханов с Мартовым — результат известен.

Политолог Дмитрий Дробницкий в статье «Кто такие “рассерженные горожане”»: размышления о выступлениях зимы 2011–2012 годов» предлагает скорее не анализ, а метафору, называя недавние протесты «меритократическим феодальным бунтом», в котором объединились «образованные и добившиеся определенных успехов бизнесмены и специалисты, студенты, в своих планах видящие себя средним классом, врачи и преподаватели, знающие, как живут их коллеги в развитых странах, люди интеллектуального труда, не считающие себя низшим сословием». Меритократическим, по Дробницкому, бунт этот является потому, что все вышеперечисленные «хотят, чтобы их ценили за знания, умения и достижения, а не за бли-

зость к ресурсу и личную преданность его распорядителю» (с. 463). Следом за такими выступлениями, по мнению автора, должна наступить «некая разновидность буржуазной демократии», но до этого, с одной стороны, «очень далеко», а с другой — людей этих «можно либо выдавить из страны, либо попытаться обмануть, либо подавить и дожидаться, пока их заменит поколение “Пепси”».

Написать сколько-нибудь подробно удалось, разумеется, далеко не обо всех статьях сборника, среди которых попадаются более и менее интересные, более и менее тривиальные. Встречаются, конечно, и целые статьи, о которых не знаешь, что и думать. Например, Владимир Рыжков предлагает программу реформы российского парламентаризма, целиком состоящую из благих намерений, не подкрепленных сколько-нибудь продуманными представлениями о механизмах, которые обеспечат описываемое благоразумие.

Все это — частности, однако у сборника есть одна проблема, постоянно напоминающая о себе по ходу чтения и еще одна (как я подозреваю, связанная с первой), о которой задумываешься, перевернув последнюю страницу. Первая — в неопределенности, если можно так сказать, жанра. Для научного сборника «Государство. Общество. Управление» включает в себя слишком много статей, основным содержанием которых является в целом политологический или исторический ликбез, да и вообще многие статьи близки скорее к эссе, чем к научной работе. Для книги, адресованной широкому читателю, сборник, напротив, включает слишком много текстов, требующих какой-никакой подготовки, то есть как минимум знания контекста или хотя бы навыка чтения современных гуманитарных исследований. Вторая проблема — состав авторов: дело в том, что в сборнике

не представлены ни иностранные ученые, ни русские ученые, постоянно живущие на Западе и работающие в европейских/американских университетах. Это обстоятельство, по меньшей мере значительно обедняющее сборник, можно объяснить разве что желанием составителей продемонстрировать своего рода лояльность, причем лояльность, как ее можно понимать исключительно в рамках нынешней государственной идеологии, находящейся в процессе перехода от «суверенной демократии» к изоляционизму.

Однако принятие соответствующих правил игры имеет смысл в одном-единственном случае: если адресатом сборника являются нынешние политические элиты или, по крайней мере, какая-то их часть. Да, действительно, возникает ощущение, что «Государство. Общество. Управление» исполнено в жанре «наставления властителю» — ощутимо эволюционировавшем, но сохранившем целеполагание. Огурцов на страницах сборника пишет — безоценочно, в рамках исторического экскурса, — что «именно так выглядело всякое рассуждение об управлении до возникновения юридического способа мышления». Я не слишком хорошо представляю себе состояние нынешнего российского «политического истеблишмента» и, возможно, переоцениваю влияние отрицательного отбора на их формирование, однако и авторы/составители, кажется, не слишком хорошо понимают, для кого пишут.

Вполне возможно, что условным адресатом текстов сборника вообще не являются представители нынешних элит. Но уверенно можно говорить о том, что предполагаемым читателем данного сборника является некто, способный более или менее одновременно думать об актуальном контексте в свете идей Канта, с интересом читать Михника и сочувствовать национал-демократическим идеям Никольского. Причем этот некто не просто способен обо всем этом

думать, но к тому же еще и занимается или собирается заниматься политикой. Многие из нас знают по три-четыре человека со столь широким спектром интеллектуальных интересов — однако среди них скорее всего нет действующих политиков и почти нет гражданских активистов.

Из текстов раздела книги, посвященного «гражданскому обществу и человеку», между тем отчетливо видно, что определение политического субъекта — сегодняшнего и, тем более, завтрашнего — наиболее трудная из тех задач, что ставят перед собой авторы книги (и не только они). «Государство. Общество. Управление» как раз и обращено к этому ускользающему, неопределимому субъекту. Кто он? Представитель воображаемого «ответственного криптообщества» внутри российской власти? Просто непрозрачная фигура умолчания? Большинство вошедших в книгу текстов слишком явно предполагают заинтересованного в советах умных людей слушателя на том конце про-

вода, отчего их трудно причислить к сфере науки. Одновременно они предполагают у читателя (или все того же слушателя) навыки рефлексии, редкие для обычной клиентуры практических руководств.

Дискурсивная неопределенность этой книги свидетельствует, по-видимому, о неопределенности (почти в гейзенберговском смысле) субъекта политического в нынешней России. И о том, что в состоянии растерянности пребывает не только «широкая общественность» и политический истеблишмент, но и большая часть академического сообщества.

Сборник «Государство. Общество. Управление» собрал под своей обложкой достаточно текстов, которые в любом случае можно рекомендовать к прочтению. Однако именно проступающее с его страниц ощущение тревоги перед неразличимыми сегодня контурами будущего делает его действительно важным документом, фиксирующим наше нынешнее состояние. ■

СТАНИСЛАВ ЛЬВОВСКИЙ

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ См.: Политическая ситуация и общественные настроения в России // Сайт Фонда «Либеральная миссия». 19.06. 2013 (<http://www.liberal.ru/articles/6169>).